

УДК 316.48

ВЗАИМОСВЯЗЬ КОГНИТИВНОЙ ФЛЕКСИБИЛЬНОСТИ И ТИПОВ РЕАГИРОВАНИЯ НА КОНФЛИКТ СТАРШИХ ШКОЛЬНИКОВ И СТУДЕНТОВ

Ю. С. СМЕРНОВА¹⁾, А. Е. ДОВГИЛОВИЧ²⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

²⁾Независимый исследователь, г. Минск, Беларусь

Поднимается проблема когнитивной детерминации конфликтного поведения. Анализируется когнитивная флексibilität как элемент когнитивной составляющей конфликтной компетентности личности, связанной с использованием оптимальных стратегий поведения в конфликте. Приводятся результаты эмпирического исследования взаимосвязи когнитивной флексibility и типов реагирования старших школьников и студентов на конфликт. Показано, что высокие показатели когнитивной флексibility сопряжены со склонностью учащихся отдавать предпочтение оптимальному типу реагирования на конфликт, нацеленному на разрешение противоречия. Низкий уровень когнитивной флексibility коррелирует с выбором старшими школьниками и студентами неоптимальных типов реагирования на конфликт: агрессии и ухода.

Ключевые слова: конфликт; конфликтное поведение; тип реагирования на конфликт; когнитивная флексibility; старшие школьники; студенты.

Образец цитирования:

Смирнова ЮС, Довгилевич АЕ. Взаимосвязь когнитивной флексibility и типов реагирования на конфликт старших школьников и студентов. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2020;3:53–59.

For citation:

Smirnova YS, Dovgilovich AE. The relationship of cognitive flexibility and conflict response type of senior school and university students. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2020;3:53–59. Russian.

Авторы:

Юлия Сергеевна Смирнова – кандидат психологических наук, доцент; доцент кафедры социальной и организационной психологии факультета философии и социальных наук.

Алесь Евгеньевич Довгилевич – независимый исследователь.

Authors:

Yuliya S. Smirnova, PhD (psychology), docent; associate professor at the department of social and organisational psychology, faculty of philosophy and social sciences. smiry@bsu.by

Ales E. Dovgilovich, independent researcher. ales.dovgilovich98@gmail.com

THE RELATIONSHIP OF COGNITIVE FLEXIBILITY AND CONFLICT RESPONSE TYPE OF SENIOR SCHOOL AND UNIVERSITY STUDENTS

Y. S. SMIRNOVA^a, A. E. DOVGILOVICH^b

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

^bIndependent researcher, Minsk, Belarus

Corresponding author: Y. S. Smirnova (smiry@bsu.by)

The problem of cognitive determination of conflict behaviour is analysed in the article. Cognitive flexibility is considered as an element of the cognitive component of conflict competence contributing to the using optimal conflict behaviour strategies. The results of the empirical study of the relationship between cognitive flexibility and conflict response type of senior school and university students are presented in the article. The high level of cognitive flexibility are associated with students' tendency to choose the optimal type of conflict response – conflict solution. The low level of cognitive flexibility is associated with the choice of non-optimal types of response in the conflict – aggression and avoiding.

Keywords: conflict; conflict behaviour; type of conflict response; cognitive flexibility; senior school students; university students.

Конфликтное взаимодействие представляет собой актуальную область социально-психологических исследований [1]. В большинстве своем они направлены на поиск факторов, детерминирующих характер поведения участников конфликта. Взаимосвязь этих факторов (социальные и индивидуальные, личностные и ситуативные, когнитивные, эмоциональные, мотивационные и др.) с различными стратегиями поведения субъекта в конфликте является предметом анализа. Во многом такой подход к изучению конфликтов обусловлен спецификой социально-психологического понимания его природы, с позиций которого конфликт выступает как «интегральный феномен, связывающий воедино интрапсихические процессы (переживания, эмоции, восприятие, отношение и т. д.) с интерпсихическими (взаимоотношения, коммуникация и т. д.) в ситуации актуального взаимодействия социальных субъектов в форме противодействия, противоборства» [1, с. 359]. Соглашаясь с таким пониманием социально-психологического конфликта, мы обратились к анализу когнитивных процессов (интрапсихическая составляющая) во взаимосвязи с интерактивными процессами (интерпсихическая составляющая) в условиях конфликта.

Когнитивная активность субъекта конфликта обеспечивает восприятие и интерпретацию конфликтной ситуации, формирование образов себя и оппонента в данных условиях и реализуется за счет таких социально-познавательных процессов, как категоризация, прототипизация, схематизация, эвристизация, стереотипизация, атрибутирование и др., которые уже неоднократно выступали предметом нашего анализа [2; 3]. О роли когнитивных факторов в детерминации конфликтного поведения

говорили многие авторы¹[4]. Серьезный вклад в разработку данной проблематики внесла Н. В. Гришина, подчеркивая решающее значение «определения ситуации» в возникновении конфликта и переходе к конфликтному взаимодействию [4]. М. М. Главатских установлены общие (сила, активность и оценка) и уникальные (опасность, обида, общительность, решительность, доброта) категории восприятия, формирующие образ конфликтной ситуации, причем последние сопряжены с использованием субъектами различных стратегий конфликтного поведения². Далее мы еще обратимся к анализу когнитивных факторов конфликтного поведения как интрапсихической составляющей, а сейчас перейдем к интерпсихическим процессам.

Интерактивная сторона конфликта включает действия и реакции субъектов на действия друг друга и реализуется посредством различных стратегий и тактик конфликтного взаимодействия. Наибольшую популярность в анализе конфликтного поведения приобрела так называемая модель «двойной интерес», предлагающая дифференцировать способы реагирования в конфликте в зависимости от того, насколько субъект ориентирован на удовлетворение своих интересов и учитывает интересы оппонента. Так, общеизвестной является типология К. Томаса, согласно которой существует пять основных стратегий поведения в конфликте: уход, уступчивость, доминирование, сотрудничество и компромисс [4, с. 218]. Н. В. Гришина, анализируя способы реагирования человека на возникающие противоречия, описывает базовые модели: уход, борьбу и диалог [4]. М. М. Кашапов также рассматривает три варианта поведения в конфликте: уход, агрессию и оптимальное разрешение [5; 6]. При-

¹Главатских М. М. Взаимосвязь образа конфликтной ситуации с поведением в конфликте : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2003. 24 с.

²Там же.

чем автор исходит из идеи о том, что в процессе жизнедеятельности на основе индивидуально-психологических особенностей у человека формируется ведущий тип реагирования, который является «относительно устойчивой характерологической особенностью личности, в значительной степени определяющей способ ее взаимодействия в конфликтной ситуации» [5, с. 50].

Выбор оптимального типа реагирования на конфликт выступает в качестве индикатора высокого уровня конфликтной компетентности личности, под которой понимают способность субъекта благоприятным образом преодолевать возникающие противоречия, противостоять деструктивному влиянию конфликта и уметь их конструктивно разрешать [5; 6]. Анализируя структуру конфликтной компетентности, М. В. Башкин рассматривает наряду с мотивационным и регулятивным компонентами когнитивный [6, с. 145]. Именно он отвечает за анализ субъектом конфликтной ситуации, оценку и контроль своего поведения в ней, обеспечивая поиск нестандартных решений. Когнитивный компонент является ведущей структурной характеристикой конфликтной компетентности старшеклассников, в структуре которой доминирует креативный элемент. Выбор студентами конструктивного решения в конфликте также осуществляется с помощью творческого восприятия ими конфликтной ситуации, способности проявлять гибкость мышления и поведения [5, с. 57–58]. Таким образом, отказ от стандартных, шаблонных оценок, интерпретаций, вариантов реагирования и поиск новых, оригинальных стратегий являются основой конструктивного разрешения конфликта.

В свете сказанного прогностическую ценность приобретает категория когнитивной гибкости, под которой понимают «ментальную способность, характеризующую умение индивида преобразовывать когнитивные установки в ответ на изменяющиеся условия его жизнедеятельности» [7, с. 134]. Ее разработку в русскоязычной психологии осуществляли российские исследователи С. С. Кургинян и Е. Ю. Осаволюк [7; 8]. На наш взгляд, когнитивную гибкость можно рассматривать в структуре когнитивного компонента конфликтной компетентности личности.

В целях определения характера взаимосвязи показателей когнитивной гибкости и стратегий поведения в конфликте было проведено эмпирическое исследование, в котором принимали участие старшеклассники и студенты. С одной стороны, образовательная среда является сферой, где межличностные конфликты распространены и могут быть сопряжены с целым рядом нежелательных последствий, включая ухудшение социально-психологического климата в учебной группе, физического и психического состояния участников, снижение эффективности учебного процесса и успе-

ваемости и т. д. С другой стороны, учебная группа выступает в качестве микромоделей социума, в которой учащиеся имеют возможность сформировать и расширить репертуар конструктивных способов урегулирования конфликта. Причем если на более ранних этапах обучения ответственность за разрешение школьных противоречий несут преимущественно взрослые (педагоги, родители, психологи и др.), то в старших классах и в высшей школе такая обязанность (ответственность) все в большей степени переходит на самих учащихся, которые готовятся к самостоятельной жизни. Очень важно, чтобы в этот период старшеклассники и студенты получили богатый позитивный опыт конструктивного разрешения конфликтов, который заложит основу успешного их преодоления в будущем. Обеспечение такого положительного опыта и развитие конфликтной компетентности составляют зону ответственности учреждений образования и их сотрудников, а это требует знания психологических факторов, детерминирующих конфликтное поведение учащихся. С учетом сказанного в качестве предмета исследования выступила взаимосвязь когнитивной гибкости и типов реагирования на конфликт старшеклассников и студентов.

Для сбора данных использовались методика диагностики ведущего типа реагирования Кашапова и Киселевой [6], опросник когнитивной гибкости Денниса и Вандер Вала в русскоязычной адаптации С. С. Кургиняна и Е. Ю. Осаволюк [8]. Первая методика включает три шкалы: «агрессия», «уход» и «разрешение», – соответствующие основным типам реагирования на конфликт. Опросник когнитивной гибкости позволяет измерить интегральный показатель когнитивной гибкости и такие ее составляющие, как способность к альтернативному взгляду на проблемную ситуацию (шкала «альтернативы») и восприятие этой ситуации как контролируемой (шкала «контроль»). Стоит обратить внимание, что авторы русскоязычной версии методики проводили ее адаптацию на выборке студентов в возрасте от 17 до 25 лет [8, с. 117]. В нашем случае мы вышли за рамки такого ограничения, включив в состав выборки учащихся старших классов. Эмпирическую базу исследования составили 62 студента (28 юношей и 34 девушки; 38 человек – студенты гуманитарного профиля обучения, 24 – естественно-научного) и 61 учащийся старших классов (29 юношей и 32 девушки; 21 школьник углубленно изучает гуманитарные предметы, 40 – естественно-научные). Для статистической обработки данных применялся коэффициент корреляции Спирмена, *U*-критерий Манна – Уитни. Были получены следующие результаты.

Для начала охарактеризуем показатели когнитивной гибкости и стратегий поведения в конфликте учащихся старших классов и студентов. Интегральный показатель когнитивной гибкости

бильности (106,28), показатели по шкалам «альтернативы» (65,15) и «контроль» (41,07) имеют средний уровень выраженности. Статистически значимых различий в показателях когнитивной гибкости обнаружено не было. Показатели по шкалам «агрессия» (14,41), «уход» (16,93) и «разрешение» (26,97) также свидетельствуют о среднем уровне выраженности этих типов реагирования. Статистически значимых различий в уровне выраженности типа реагирования «разрешение» у учащихся старших классов и студентов выявлено не было. Типы реагирования «агрессия» и «уход» более выражены у студентов ($p \leq 0,006$). Данные показатели также сравнивались у учащихся разных полов. Вопреки ожиданиям статистически значимых различий в показателях когнитивной гибкости юношей и девушек найдено не было, причем ни у студентов, ни у учащихся старших классов. Эти результаты расходятся с данными авторов адаптации методики, которые обратили внимание на то, что у мужчин эти показатели выше, нежели у женщин [9].

Что касается типов реагирования на конфликт, то различия по полу были обнаружены в показателях по шкале «уход» ($p = 0,034$): у девушек предрасположенность уклоняться от взаимодействия в конфликте выражена в большей степени. Имеющиеся данные также позволили сравнить показатели у учащихся гуманитарного и естественно-научного профилей обучения. Интегральный показатель когнитивной гибкости и показатель по шкале «контроль» выше у учащихся естественно-научного профиля обучения ($p \leq 0,039$). Различий в зависимости от профиля обучения по шкале «альтернативы» обнаружено не было. Что касается типов реагирования на конфликт, то различия между гуманитариями и «естественниками» были найдены в показателях по шкалам «агрессия» и «уход» ($p = 0,002$): у учащихся гуманитарного профиля эти варианты поведения в конфликтной ситуации более выражены, чем у учащихся естественно-научного профиля.

Результаты корреляционного анализа представлены в таблице.

**Взаимосвязь показателей когнитивной гибкости
и типов реагирования учащихся на конфликт**

**The correlation of cognitive flexibility
and types of students' response in conflict**

Когнитивная гибкость	Ведущий тип реагирования на конфликт		
	Агрессия	Уход	Разрешение
Интегральный показатель	$r = -0,280; p = 0,002$	$r = -0,364; p < 0,001$	$r = 0,401; p < 0,001$
Шкала «альтернативы»	$r = -0,218; p = 0,015$	$r = -0,112; p = 0,218$	$r = 0,455; p < 0,001$
Шкала «контроль»	$r = -0,256; p = 0,004$	$r = -0,523; p < 0,001$	$r = 0,211; p = 0,019$

Чем выше общий уровень когнитивной гибкости и способности к альтернативному взгляду на проблемную ситуацию и восприятие ее как контролируемой, тем в меньшей степени учащимся свойственен агрессивный тип реагирования на конфликт и в большей мере оптимальный, и наоборот. Склонность к уходу тем сильнее выражена, чем ниже общий уровень когнитивной гибкости и восприятие проблемной ситуации как контролируемой, и наоборот. Таким образом, высокие показатели когнитивной гибкости сопряжены с выбором конструктивной стратегии, направленной на разрешение конфликта, а низкие – с выбором агрессивного способа реагирования на конфликт или уклонением от его решения.

Рассмотрим структуру корреляционных связей когнитивной гибкости и типов реагирования на конфликт у студентов и старших школьников. Если в отношении типов реагирования «уход» и «разрешение» обнаруживается сходство структуры их корреляций с показателями когнитивной гибкости студентов и учащихся старших

классов, то в отношении агрессивного типа реагирования данные взаимосвязи не идентичны. У студентов склонность к агрессивному реагированию в конфликте сопряжена с восприятием ситуации как неконтролируемой ($r = -0,297; p = 0,019$), у учащихся старших классов – с низкой способностью к альтернативному взгляду на проблемную ситуацию ($r = -0,256; p = 0,047$). Также обращает на себя внимание гораздо большая сила связи оптимального типа реагирования на конфликт с показателем по шкале «альтернативы» у студентов в сравнении со старшими школьниками ($r = 0,599$ при $p < 0,001$ и $r = 0,298$ при $p = 0,020$ соответственно). Такие различия в структуре взаимосвязей показателей когнитивной гибкости и типов реагирования на конфликт могут быть связаны с особенностями образовательной среды в средней и высшей школе, в частности с большей дифференцированностью форм обучения студентов и их самостоятельностью. Полученные результаты согласуются с материалами других исследований. Как отмечают М. М. Кашапов и М. В. Башкин, в связи с изменениями социаль-

ных условий при переходе от старшего школьного возраста к студенческой жизни происходит качественная перестройка структуры конфликтной компетентности, расширяются ее функциональные возможности, что обеспечивает большую гибкость поведения студентов в конфликте по сравнению со старшими школьниками [5, с. 62–63].

Интерес представляет также анализ структуры корреляционных связей девушек (рис. 1) и юношей (рис. 2). Сходство полученных структур заключается в наличии статистически значимой положительной корреляции между способностью юношей и девушек к альтернативному взгляду на проблемную ситуацию и склонностью выбирать оптимальный тип реагирования на конфликт, а также в наличии статистически значимой отрицательной корреляции между восприятием ситуации как контролируемой и уходом как типом реагирования на кон-

фликт. При этом следует заметить, что сила этих связей неодинакова: первая у юношей сильнее, чем у девушек ($r = 0,645$ при $p < 0,001$ и $r = 0,248$ при $p = 0,045$ соответственно), вторая сильнее у девушек, чем у юношей ($r = -0,614$ при $p < 0,001$ и $r = -0,373$ при $p = 0,004$ соответственно). Различия также состоят в том, что у юношей агрессивный тип реагирования на конфликт не имеет статистически значимых корреляций с составляющими когнитивной флексибильности (см. рис. 2), а у девушек обнаружены статистически значимые отрицательные корреляции с показателями и по шкале «альтернативы» ($r = -0,277$; $p = 0,024$), и по шкале «контроль» ($r = -0,326$; $p = 0,008$) (см. рис. 1). У юношей оптимальный тип реагирования положительно коррелирует не только с альтернативным взглядом на ситуацию, как у девушек, но и с ее восприятием как контролируемой ($r = 0,398$; $p = 0,002$).

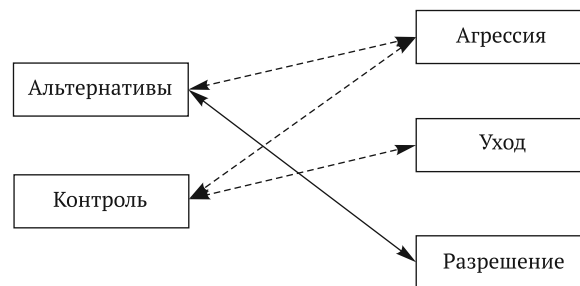

Рис. 1. Структура корреляционных связей когнитивной флексибильности и типов реагирования на конфликт у девушек:
 ↔ положительная корреляция; ↔ отрицательная корреляция
 Fig. 1. The structure of correlations between cognitive flexibility and types of girls' response in conflict:
 ↔ positive correlation; ↔ negative correlation

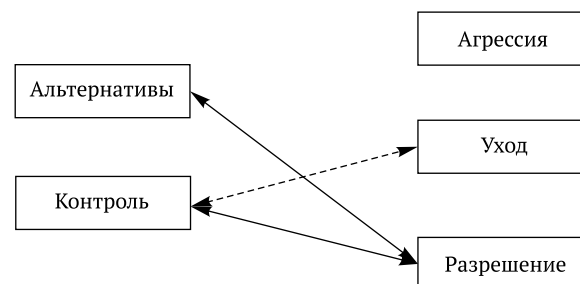

Рис. 2. Структура корреляционных связей когнитивной флексибильности и типов реагирования на конфликт у юношей:
 ↔ положительная корреляция; ↔ отрицательная корреляция
 Fig. 2. The structure of correlations between cognitive flexibility and types of boys' response in conflict:
 ↔ positive correlation; ↔ negative correlation

Можно предположить, что девушкам свойственно использование в конфликте стратегии разрешения вне зависимости от их когнитивной гибкости и способности преобразовывать когнитивные установки в ответ на изменение условий, у юношей же предрасположенность к оптимальному реагированию на конфликт предполагает наличие достаточ-

но высокого уровня когнитивной флексибильности. Выбор агрессивного типа реагирования, напротив, выражен у юношей в некоторой степени без учета их когнитивной гибкости, девушки же склонны выбирать такую стратегию при низкой способности к альтернативному взгляду на проблемную ситуацию и восприятию ее как контролируемой.

Полученные результаты в целом согласуются с выводами других исследователей, указывающих на наличие гендерных различий в конфликтном поведении и приписывающих склонность к проявлению агрессии и использование когнитивных стратегий совладания в конфликте в большей степени мужчинам, нежели женщинам [9].

Интересным является ракурс анализа полученных данных с учетом профиля получаемого образования. В общем, по выборке структура корреляционных связей когнитивной флексibility и типов реагирования на конфликт у гуманитариев и «естественников» схожа. Различия обнаруживают себя, если учесть не только профиль обучения, но и степень получаемого образования. И у учащихся старших классов, и у студентов независимо от профиля обучения восприятие ситуации как неконтролируемой сопряжено с предрасположенностью к уходу от решения конфликта. У студентов (без учета профиля обучения) способность к альтернативному взгляду на проблемную ситуацию положительно коррелирует с оптимальным типом реагирования на конфликт. При этом у учащихся старших классов, углубленно изучающих гуманитарные предметы, присутствует статистически значимая отрицательная корреляция показателей по шкалам «альтернативы» и «агрессия» ($r = -0,452$; $p = 0,040$), не обнаруженная у старшеклассников-«естественников». У студентов-«естественников» восприятие ситуации как контролируемой статистически отрицательно коррелирует со склонностью к агрессивному типу реагирования на конфликт ($r = -0,566$; $p = 0,004$), у студентов-гуманитариев данная корреляция не обнаружена. Установленные различия могут быть связаны с тем, что анализ социальных процессов, разнообразия их проявления и интерпретаций оказывается чаще в фокусе внимания у гуманитариев, нежели у «естественников». Это и определяет различный вклад когнитивной гибкости в анализ учащимися разного профиля актуальных ситуаций социального взаимодействия, включая конфликты. В свете сказанного прогностически ценной в объяснении профильных различий в структуре корреляций показателей когнитивной флексibility

и типов реагирования на конфликт представляется категория образовательной субкультуры, принадлежность к которой оказывает влияние на формирование общекультурного и профессионального мировоззрения субъекта и актуализацию последнего в повседневной жизни³. При этом следует заметить, что апелляция к категории образовательных субкультур в данном случае требует проведения дополнительного исследования, поскольку формальная принадлежность к профильному классу или факультету еще не является достаточным основанием для отнесения учащегося к соответствующей образовательной субкультуре; необходимо учитывать степень включенности в нее субъекта, интернализацию соответствующих установок, ценностей и норм, а в нашем исследовании эти показатели не фигурировали.

Таким образом, высокий уровень когнитивной флексibility, способность к выработке альтернативных объяснений происходящего и восприятию ситуации как контролируемой связаны с выбором студентами и учащимися старших классов оптимального типа реагирования на конфликт, направленного на разрешение противоречия. Напротив, низкие показатели когнитивной флексibility сочетаются с предпочтением неконструктивной стратегии ухода или деструктивной стратегии агрессии. Полученные результаты позволяют рассматривать когнитивную флексibility как элемент в структуре конфликтной компетентности, высокий уровень которой лежит в основе гибкости поведения субъекта в условиях конфликта и обеспечивает его конструктивный исход. Существуют различия в структуре взаимосвязей компонентов когнитивной флексibility и типов реагирования на конфликт юношей и девушек, а также учащихся гуманитарного и естественно-научного профилей обучения. Следует также подчеркнуть, что некоторые изменения в структуре данных взаимосвязей происходят при переходе от старшего школьного возраста к студенческому. Последнее может быть связано с изменением социальных условий, вызывающим перестройку структуры конфликтной компетентности и расширение ее функциональных возможностей.

Библиографические ссылки

1. Журавлев АЛ, Вахин АА. Социально-психологические аспекты исследования конфликта. В: Степанов ЕИ, редактор. *Современная конфликтология в контексте культуры мира. Материалы I Международного конгресса конфликтологов*. Москва: Ленанд; 2015. с. 357–372.
2. Смирнова ЮС. Атрибутивное сопровождение межличностных конфликтов. *Философия и социальные науки*. 2016;3:105–109.
3. Смирнова ЮС. Прототипический подход к анализу категории «конфликт». *Молодой ученый*. 2011;8:95–98.
4. Гришина НВ. *Психология конфликта*. Санкт-Петербург: Питер; 2000. 464 с.
5. Кашапов ММ, Башкин МВ. *Психология конфликтной компетентности*. Ярославль: ЯрГУ; 2010. 128 с.
6. Кашапов ММ, редактор. *Метакогнитивные основы конфликтной компетентности*. Ярославль: ЯрГУ; 2012. 428 с.

³Фофанова Г. А. Структурные и содержательные особенности диалогической самости студентов гуманитарной и естественно-научной образовательных субкультур : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.01. Минск, 2017. 28 с.

7. Осаволюк ЕЮ, Кургинян СС. Когнитивная флексибельность личности: теория, измерение, практика. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2018;15(1):128–144. DOI: 10.17323/1813-8918-2018-1-128-144.

8. Кургинян СС, Осаволюк ЕЮ. Опросник когнитивной флексибельности: структура русскоязычной версии (CFI-R), надежность и валидность опросника. *Психологический журнал*. 2018;39(2):105–119. DOI: 10.7868/S0205959-218020101.

9. Хачатурова МП. Сравнительно-психологический анализ выбора стратегии совладания с конфликтами. В: Леонов НИ, редактор. *Социальный мир человека. Выпуск 4. Материалы IV Всероссийской конференции с международным участием «Человек и мир: психология конфликта и риска инноваций»; 28–30 июня 2012 г.; Ижевск, Россия*. Ижевск: ERGO; 2012. с. 56–60.

References

1. Zhuravlev AL, Vahin AA. [Socio-psychological aspects of the conflict research]. In: Stepanov EI, editor. *Sovremennaya konfliktologiya v kontekste kul'tury mira. Materialy I Mezhdunarodnogo kongressa konfliktologov* [Modern conflictology in the context of a culture of peace. Proceedings of the I International congress of conflictology]. Moscow: Lenand; 2015. p. 357–372. Russian.

2. Smirnova YS. Attributions in interpersonal conflicts. *Filosofiya i sotsial'nye nauki*. 2016;3:105–109. Russian.

3. Smirnova YS. The prototypical approach to the analysis of the category «conflict». *Molodoi uchenyi*. 2011;8:95–98. Russian.

4. Grishina NV. *Psikhologiya konflikta* [Psychology of conflict]. Saint Petersburg: Piter; 2000. 464 p. Russian.

5. Kashapov MM, Bashkin MV. *Psikhologiya konfliktnoi kompetentnosti* [Psychology of conflict competence]. Yaroslavl: P. G. Demidov Yaroslavl State University; 2010. 128 p. Russian.

6. Kashapov MM, editor. *Metakognitivnye osnovy konfliktnoi kompetentnosti* [Metacognitive foundations of conflict competence]. Yaroslavl: P. G. Demidov Yaroslavl State University; 2012. 428 p. Russian.

7. Osavolyuk EYu, Kurginyan SS. Person's cognitive flexibility: theory, measurement, and practice. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*. 2018;15(1):128–144. DOI: 10.17323/1813-8918-2018-1-128-144. Russian.

8. Kurginyan SS, Osavolyuk EYu. The cognitive flexibility inventory (CFI): adaptation for Russian-speaking sampling. *Psikhologicheskii zhurnal*. 2018;39(2):105–119. DOI: 10.7868/S0205959218020101. Russian.

9. Hachaturova MP. [Comparative psychological analysis of the choice of coping strategies in conflicts]. In: Leonov NI, editor. *Sotsial'nyi mir cheloveka. Vypusk 4. Materialy IV Vserossiiskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem «Chelovek i mir: psikhologiya konflikta i riska innovatsii»; 28–30 iyunya 2012 g.; Izhevsk, Rossiya* [The social world of man. Issue 4. Materials of the IV international conference «Man and the world: psychology of conflict and the risk of innovation»; 2012 June 28–30; Izhevsk, Russia]. Izhevsk: ERGO; 2012. p. 56–60. Russian.

Статья поступила в редколлегию 14.06.2020.
Received by editorial board 14.06.2020.